

Лэй Хунфэй, не желая отставать, поспешил взять другую руку Лин Цзыхана и с широкой улыбкой сказал: «На этот раз директор Тун лично прилетел на фронт сквозь ураган, чтобы под градом пуль спасти тебя. Это поистине восхищает. Цзыхан, ты не должен обмануть надежды стольких людей, ты обязан быстро поправиться».

Рука Лин Цзыхана слегка дрогнула, словно оцепеневший мозг отозвался на эти слова, пробудив новые ощущения.

В этот момент в палату поспешно вошёл Тун Юэ.

Увидев на мониторе, что Лэй Хунфэй и Вэй Тяньюй прикоснулись к Лин Цзыхану, он сильно забеспокоился, бросил работу и поспешил к ним.

Заметив, что в глазах Лин Цзыхана больше не было того леденящего душу страха, он несказанно обрадовался, тут же подошёл и с заботой спросил: «Цзыхан, как ты себя чувствуешь?»

Лин Цзыхан ощущал, будто всё его тело сжалось в комок, многие чувства были притуплены. Медленно перебирая в уме обрывки мыслей, он ловил их, словно светлячков в летнюю ночь, — они беспорядочно метались, не даваясь в руки.

Спустя долгое время он открыл рот и неуверенно спросил: «Вы... поженились?» Голос его был очень слаб, полон сомнений.

Тун Юэ нежно погладил его по волосам и с тёплой улыбкой ответил: «Если ты не поправишься, я ни за что не выйду за твоего отца, заставлю его жалеть об этом всю жизнь. Ты ведь говорил, что хочешь присутствовать на нашей свадьбе, вот мы и ждём, пока ты сможешь прийти сам».

Лин Цзыхан оставался безучастным и лишь спустя долгое время равнодушно произнёс: «Я... боюсь... не поправлюсь».

«Не говори глупостей», — с любовью улыбнулся Тун Юэ. «Пока я здесь, ты обязательно поправишься. Но и ты должен мне помогать, понимаешь?»

Лин Цзыхан безучастно смотрел на светильник на потолке, а затем произнёс: «Можно... чтобы я... больше... не видел... снов?»

«Что?» — все трое не поняли его.

Лин Цзыхан вспомнил те видения, что являлись ему каждый раз, когда он проваливался в сон: тысячи змей, впивающихся в череп и жадно пожирающих мозг, или бесчисленные хохочущие призраки, проникающие в кости и высасывающие костный мозг. Эта мучительная, невыносимая боль была неопишуема. Долгие мучения истощили всю его волю и силы. Он боялся тьмы, но и света не видел. Он больше не хотел ни сознания, ни чувств, желая лишь погрузиться в вечный сон.

Тун Юэ уже предполагал, что «Дьявольский коготь» разрушит не только тело, но и психику. Однако масштаб этого ущерба пока оценить было невозможно. Нужно было дожидаться, пока Лин Цзыхан полностью придёт в себя и будет готов общаться с психологом, — только тогда можно было хоть примерно определить степень повреждений. Сейчас же, глядя в его глаза, Тун Юэ почувствовал глубокую печаль.

Этот молодой человек, некогда бесстрашно встречавший опасность и смерть, стал теперь

таким слабым и беззащитным. Даже если он больше никогда не вернётся к оперативной работе, что он сможет делать в будущем?

Произнеся эти несколько фраз, Лин Цзыхан почувствовал сильную усталость и закрыл глаза. Сердце его содрогнулось, но он вновь погрузился в кошмар.

Тун Юэ проверил приборы у кровати и, убедившись, что всё в порядке, жестом подозвал двух молодых людей выйти за ним.

Лэй Хунфэй и Вэй Тяньюй послушно последовали за ним в кабинет и уселись на стулья.

Тун Юэ налил им воды, сел за стол и серьёзно посмотрел на них: «Я вам и старший, и лечащий врач Цзыхана, а вы оба были ему близки. Поэтому мне есть что вам сказать. Ради справедливости я позвал вас обоих, чтобы вы могли принять решение».

Оба кивнули с предельной серьёзностью.

Тун Юэ собрался с мыслями и спокойно начал: «Травмы, полученные Цзыханом, носят разрушительный характер. Его организм полностью истощён, и то, что он выжил, — настоящее чудо. За эти месяцы мы восстановили его иммунную систему, остальные системы тоже постепенно восстанавливаются. Однако некоторые повреждения, возможно, исправить полностью не удастся. Например, репродуктивную систему. Думаю, вы понимаете, о чём я».

Лэй Хунфэй и Вэй Тяньюй были шокированы.

Тун Юэ продолжил: «Кроме того, „Дьявольский коготь“ атакует непосредственно мозг, что наносит огромный урон психике. Когда его физическое состояние стабилизируется, мы проведём психологический анализ и терапию. Но поскольку „Дьявольский коготь“ — вещь доселе неизученная, для наших психологов это тоже станет новым вызовом. Они уже подготовили несколько планов, но ни в одном не уверены. Это будет долгий процесс, требующий огромного терпения и выдержки — в том числе и от тех, кто будет рядом. Я говорю вам это, чтобы вы хорошо всё обдумали, не поддаваясь первому порыву. Быть с человеком день, два, месяц или два — легко. Но оставаться с ним год, два, десять или двадцать лет — уже не так просто. Если вы сойдёте с дистанции на полпути, это может стать для пациента сокрушительным ударом, который сведёт на нет все наши усилия. Поэтому подумайте как следует. Если решите отказаться сейчас — я пойму, это естественно. Если решите остаться — то я надеюсь, что вы пройдёте этот путь до конца».

Вэй Тяньюй выпалил не раздумывая: «Я ни за что не откажусь».

Лэй Хунфэй тут же добавил: «И я тоже. Ни за что».

«Не нужно отвечать так быстро, — разумно заметил Тун Юэ. — Подумайте несколько дней, а потом скажете. Вы должны понимать: сейчас речь не о простом любовном треугольнике, а о здоровье Цзыхана. Вы же не хотите, чтобы он стал беспомощным инвалидом? Поэтому, если вы оба не отступитесь, вам придётся действовать сообща, всегда ставя Цзыхана на первое место. Никаких слов или поступков, которые могут его ранить. Никаких бессмысленных споров. Понятно?»

Они ответили хором: «Понятно».

Лэй Хунфэй повернулся и протянул руку Вэй Тяньюю: «В любом случае мы не враги, а соратники».

Вэй Тяньюй охотно пожал её: «Да. Мы соратники».

Глядя на этих ясных, открытых молодых людей, Тун Юэ с удовлетворением улыбнулся.

С того дня они начали по-настоящему сотрудничать.

Они встречались в палате Лин Цзыхана почти ежедневно: ухаживали за ним, обтирали, поили, говорили на отвлечённые темы. Лэй Хунфэй часто рассказывал Вэй Тяньюю забавные истории из их детства, от души смеясь. Часто Лэй Хунфэй затевал шалости, и хотя Лин Цзыхан никогда в них не участвовал открыто, он всегда оставался в тени, подсказывая решения, а если что-то шло не так, брал всю вину на себя, никогда не предавая друзей. Рассказывая об этом, Лэй Хунфэй смеялся, а Вэй Тяньюй слушал с живым интересом. Тун Юэ говорил, что такие разговоры помогают Лин Цзыхану восстановить позитивный настрой и ускорить выздоровление. Поэтому они беседовали каждый день.

Лин Цзыхан по-прежнему не стремился говорить, выражение его лица оставалось бесстрастным. Однако по мере того как тело постепенно восстанавливалось, лекарства начинали действовать, а двое друзей неотлучно находились рядом, его глубокая апатия понемногу отступала.

Именно тогда Тун Юэ с удивлением обнаружил: хотя сам Лин Цзыхан был подавлен, его воля, казалось, отделилась от сознания, обрела самостоятельную жизнь и упорно восстанавливалась, пусть пока это и не было заметно со стороны. Это открытие взволновало его невероятно, но он не стал его афишировать, строго засекретив историю болезни и все медицинские данные Лин Цзыхана. Он не хотел, чтобы тот превратился в подопытного кролика, за которым ведут постоянное наблюдение.

К тому времени, как Лэй Хунфэй получил приказ о назначении и официально явился в Министерство обороны, Лин Цзыхан уже мог вставать с постели.

Тело его всё ещё было очень слабым, большую часть времени он лежал, и лишь иногда Вэй Тяньюй помогал ему сесть в инвалидное кресло и вывозил прогуляться по саду.

<http://bllate.org/book/16287/1468777>